

Żanna Śladkiewicz

University of Gdansk (Poland)

e-mail: zanna.sladkiewicz@ug.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0001-7237-5328>

Метафорическая креация дихотомии „вертикаль–горизонталь” в цифровом политическом дискурсе (на примере корпуса мемов о встрече Путина и Лукашенко в Сочи)¹

The Metaphorical Creation of a „Vertical-Horizontal” Dichotomy in Digital Political Discourse (on the Example of the Corpus of Memes about the Meeting of Putin and Lukashenko in Sochi)

Kreowanie metaforyczne dychotomii „pion-poziom” w cyfrowym dyskursie politycznym (na przykładzie korpusu memów o spotkaniu Putina i Łukaszenki w Soczi)

Метафарычнае ўвасабленне дыхатоміі „вертыкаль-гарызанталь” у лічбавым палітычным дыскурсе (на прыкладзе корпуса мемаў аб сустрэчы Пуціна і Лукашэнкі ў Сочы)

Abstract

Internet memes are defined as the main structural unit of the modern media space (A. Kvyat), possessing a high persuasive potential. They are viewed not only as an instant reaction of users to events but also as a way of expressing political opinion. The aim is to analyse the metaphorical creation of vertically oriented relations in digital political discourse using the example of a corpus of memes on the theme of the meeting of Presidents Putin and Lukashenko in Sochi in 2020. We interpret the meme as an elaborate semantic complex capable of instant replication, usually of verbal-iconic expression, referring to different spheres-sources that the communicant must identify. In this regard, a high intertextual density of Internet memes is their constitutive feature, and the key requirement for their adequate perception is the general apperception base of the communicants and the recipient's ability to see the cultural signs embedded in the meme. When comprehending complex international relations in political memetics, the conceptual metaphor of vassalage is actualized. To solve

¹ Автор проводит лингвистический анализ материала, не выражая отношения к его содержанию. Мнение редакции журнала может не совпадать с мнением как автора статьи, так и авторов анализируемых материалов.

the research problems, the methods of interpretive and intersemiotic analysis, the main provisions of the theory of conceptual metaphor by J. Lakoff and M. Johnson, as well as the theory of conceptual integration (blending, or conceptual amalgams) by G. Fauconnier and M. Turner are used. The emphasis is on considering the iconic component. As a result of the research, the slots of the amalgam „Lukashenko is Putin’s vassal” represented by memes were identified and described taking into account the connections of this metaphorical construct with other fragments of the collective cognitive space. The seme of „subordination and dependence” that gave rise to the conceptual amalgam is explicated through the integration of the sphere of politics with the conceptual spaces of other asymmetric relations (family, feudalism, love relationship). When analysing the corpus of memes, their characteristic property – the realization of valence – was clearly revealed. Due to their topicality, anonymity and prevalence, Internet memes are an indicator of public sentiment and a means of forming the mental attitudes of society.

Keywords: metaphor, conceptual amalgam, vertical of power, internet meme, political discourse

Abstrakt

Memy internetowe są definiowane jako główna jednostka strukturalna współczesnej przestrzeni medialnej (A. Kwiat), posiadająca wysoki potencjał perswazyjny. Postrzegane są nie tylko jako natychmiastowa reakcja użytkowników na wydarzenia, ale także jako sposób wyrażania poglądów politycznych. Celem artykułu jest analiza metaforycznego kreowania relacji „pionowych” w cyfrowym dyskursie politycznym na przykładzie korpusu memów na temat spotkania prezydentów W. Putina i A. Łukaszenki w Soczi w 2020 roku. Mem interpretuję jako złożony kompleks znaczeniowy zdolny do natychmiastowej replikacji, zwykle o wyrazie werbalno-ikonicznym, odnoszącym się do różnych sfer-źródeł, które adresat musi zidentyfikować. W tym aspekcie wysoka intertekstualna gęstość memów internetowych jest ich cechą konstytutywną, a kluczowym wymogiem ich adekwatnej percepcji jest wspólna baza aperepcyjna komunikujących się i zdolność odbiorcy do dostrzegania znaków kulturowych w memie. W refleksji nad złożonymi relacjami międzypaństwowymi w memetyce politycznej aktualizuje się konceptualna metafora wasalstwa. Do rozwiązywania problemów badawczych zastosowano metody analizy interpretacyjnej i intersemiotycznej, główne założenia teorii metafory pojęciowej G. Lakoffa i M. Johnsona, a także teorii integracji pojęciowej (amalgamatów pojęciowych) G. Fauconniera i M. Turnera. Nacisk jest położony na analizę komponentu ikonizacyjnego. W wyniku badań zidentyfikowano i opisano sloty amalgamatu „Łukaszenka wasalem Putina” reprezentowane przez memy, z uwzględnieniem powiązania tego metaforycznego konstruktu z innymi fragmentami zbiorowej przestrzeni kognitywnej. Sem „podległości i zależności”, który spowodował kreację amalgamatu pojęciowego, eksplikuje się poprzez integrację sfery polityki z konceptualnymi przestrzeniami innych asymetrycznych relacji (rodzina, feudalizm, związek miłosny). Analiza korpusu memów wyraźnie wykazała ich charakterystyczną właściwość – realizację walencji. Ze względu na aktualność, anonimowość i skalę rozpowszechnienia memów internetowych można je traktować jako wskaźnik nastrojów publicznych i sposób kształtowania mentalnych postaw społeczeństwa.

Słowa kluczowe: metafora, amalgamat pojęciowy, pion władzy, mem internetowy, dyskurs polityczny

Анатацыя

Інтэрнэт-мэмы з’яўляюцца асноўнымі структурнымі адзінкамі сучаснай медыяпрасторы (А. Квят), яны валодаюць высокім персуазійным патэнцыялам. Мэмы разглядаюцца не толькі як імгненная рэакцыя карыстальнікаў на падзеі, але і як спосаб выказвання палітычных поглядаў. Мэтай артыкула з’яўляецца аналіз метафарычнай крэацыі вертыкальна арыентаваных адносін у віртуальным палітычным дыскурсе на прыкладзе корпуса мемаў на тэму сустрэчы прэзідэнтаў У. Пуціна і А. Лукашэнкі ў Сочы ў 2020 г. Мем разглядаецца намі як здольны да імгненнай рэплікацыі складаны сэнсавы комплекс вербальна-іранічнага выказвання з адсылкай да розных сфер і крыніц, якія камунікант мусіць распазнаць. У сувязі з гэтым высокая інтэртэкстуальная шчыльнасць інтэрнэт-мемаў з’яўляецца іх канструкцыйнай прыкметай, а ключавым патрабаваннем да іх адэкватнага ўспрыняцця – наяўнасць агульнай аперцэпцыйнай базы камунікантаў і здольнасць адрасата бачыць культурныя знакі, закладзеныя ў меме. Пры асэнсаванні складаных міждзяржаўных адносін у палітычнай мематыцы актуалізуецца канцэптуальная метафара васалітэту. Для вырашэння задач нашага даследавання выкарыстоўваюцца метады інтэрпрэтацыйнага і інтэрсемятычнага аналізу, асноўныя палажэнні тэорыі канцэптуальнай метафары Дж. Лакофа і М. Джонсана, а таксама тэорыі канцэптуальнай інтэграцыі (блэндынга альбо паняццёвых амальгам) Ж. Факанье і М. Тэрнэра. Націск кладзецца на разгляд іранічнага кампанента. У выніку даследавання былі вылучаны і апісаны слоты прадстаўленай мемамі амальгамы „Лукашэнка – васал Пуціна”, з улікам сувязі дадзенага метафарычнага канструкта з іншымі фрагментамі калектыўнай кагнітыўнай прасторы. Канцэптуальная амальгама народжаная семай „падпарадкавання і залежнасці” эксплікуецца пры дапамозе інтэграцыі палітычнай сферы з канцэптуальнымі прасторами іншых асіметрычных адносін (сям’і, феадалізму, любоўных сувязяў). Падчас аналізу корпуса мемаў выявілася іх характэрная ўласцівасць – рэалізацыя валентнасці. У сілу сваёй актуальнасці, ананімнасці і распаўсюджанасці інтэрнэт-мэмы з’яўляюцца індикатарам грамадскіх настрояў і сродкам фарміравання ментальных устаноў соцыуму.

Ключавыя словы: метафара, канцэптуальная амальгама, вертыкаль улады, інтэрнэт-мем, палітычны дыкурс

*Власть недавно стала вертикальной
И идет на нас за ратью рать.
Став рабовладельческой (ментально),
Собственный построив Парадиз,
Всех, кто ниже их (горизонтально)
День и ночь заталкивает вниз (...)
Нам не выжить. Мы же – не из стали!
Давит вертикаль. Прощай, страна!
В нижних этажах „горизонтал”
Воздух жутко сперт, а ночь темна...*

Сергей Медведев

1. Интернет-мем как единица лингвистического анализа

В свете кардинальных преобразований коммуникативного пространства, расширения цифрового сектора обсуждения политических проблем современности внимание исследователей фокусируется на изучении его ключевых характеристик и форм экспликации контента. Политический дискурс в веб-формате генерирует новые социально-коммуникативные практики и вырабатывает специфичные нарративные механизмы, одним из которых является создание, распространение и редупликация интернет-мемов².

Несмотря на некоторые сложности с выработкой единой дефиниции мемов³, можно констатировать эволюцию в их восприятии – от малого комического текста в цифровом формате до „основной структурной единицы современного медиапространства” (Kvât, 2013), умозрительной игры как способа „описать целое через часть, как огромную картину через элемент паззла или даже как отражение в большом зеркале при помощи отражения в крошечном осколке”, „увязать большой культурный процесс и связанное с ним отношение в одном наиболее значимом фрагменте” (*Memetičnost' reči*, 2013). Осмыслению мема как базовой единицы культурной памяти, квинтэссенции коллективного представления о каком-либо фрагменте действительности, включающей отношение к нему коммуникантов, способствуют характерные свойства мема (Kvât, 2013):

- *лаконичность* и *смысловая емкость*, что отвечает способности пользователей сети легко усваивать лишь гранулированный контент (Plešakov, 2012; Poleszak 2013);
- *мобильность*, т.е. способность легко передаваться от потребителя к потребителю и вырасти в настоящий медиавирус;
- *валентность*, т.е. способность вступать в связи с другими мемами, и *интертекстуальность*, т.е. инкорпорирование одного текста в другой, преднамеренное использование чужого текста или его сегмента, актуализация межтекстовых связей употребленной единицы при ее смысловом развертывании в ином контексте.

При этом отметим, что сегодня термин *интернет-мем* объединяет „разнородные по своим признакам структуры: от мемов, представленных речевыми клише, до мемов, оформленных в виде коубов или видеороликов” (Belovodská, 2016, s. 123), адаптируя разные жанровые формы.

² Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (проект № 18-18-00442, “Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках”) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград).

³ Подробнее об эволюции теории меметики, определении интернет-мема и его типологии см.: (Dawkins 1996; Blachmore 2002; Grochowski 2015; Fiske 2010; Šurina, 2012).

Мем – это сложный смысловой комплекс, как правило, вербально-иконического выражения (в создании мема могут участвовать и другие семиотические системы, например, звуковая, метаграфическая), отсылающего к разным сферам-источникам, которые коммуникант должен опознать. В этой связи ключевым требованием к адекватному восприятию интернет-мема является общая апперцепционная база отправителя и получателя сообщения, знание исторического и актуального для общающихся общественно-политического, культурного и языкового контекстов, способность коммуниканта увидеть все культурные знаки, заложенные в меме, и выстроить ассоциативные связи, связывающие репрезентируемый мемом концепт с другими элементами коллективного когнитивного пространства.

При благоприятном стечении обстоятельств интернет-мем способен к репликации, т.е. лавинообразному и беспрепятственному распространению, наподобие медиавируса. Как правило, он проходит четыре основных стадии своего развития: 1) создание мема и первоначальная реакция; 2) распространение мема, экспансия им коммуникативного пространства; 3) использование мема (период его стабильности); 4) угасание мема или изменение статуса (Krongauz, 2012). После этого мем, перестав быть интересным и актуальным, исчезает или – реже – сохраняется, „входит в плоть языка или коммуникации” (Krongauz, 2012). Таким „устоявшимся” мемам может быть свойственна локально обусловленная интерпретация, что является естественным следствием разных установок, представлений и ассоциативных связей, характеризующих концептосферу определенного общества. Так, в 2015 г. в ответ на сообщение о том, что президент Беларуси А. Лукашенко на территории официальной резиденции „Дрозды” вместе с младшим сыном Николаем собрал внушительный урожай картошки (за полтора часа 70 мешков), появился гипертекст⁴ мемов „Картофельный барон” (*Kartofel'nyj baron*, 2015). Данный мем сформировался на основе устойчивого представления о том, что Беларусь – аграрное государство, единственным национальным богатством которого является картофель. В силу опоры на глубоко укоренившуюся матрицу убеждений о Беларуси, а также на высказывания Лукашенко о сельском хозяйстве как ведущем экономическом секторе страны, мем не ушел в историю, а активно участвует в креации смыслов в сетевой коммуникации на протяжении последующих лет (см. рис. 1–6)⁵:

Отметим, что приведенный выше корпус мемов (избранные примеры), объединенных по семантическому признаку „Лукашенко и картошка”, пред-

⁴ Гипертекст, в данном случае, мы трактуем как «группу или выборку текстов (при широком семиотическом понимании текста), в которой существуют механизмы перехода от одного текста к другому в пределах выборки» (Zelānskaā, Gavenko, Belousov, 2009, s. 73); „zespół przekazów o wspólnych właściwościach” (Grochowski 2015, s. 215).

⁵ Все изображения взяты с сайтов, допускающих копирование с указанием на источник (см. список изображений). Все изображения приводятся в статье по принципу цитирования, без вмешательства в их графическую структуру.

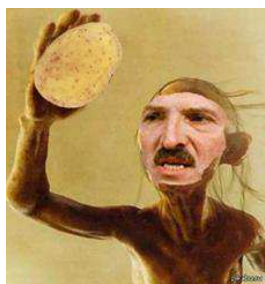

Рисунок 1

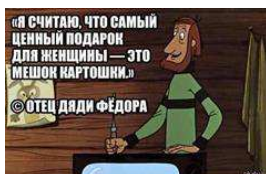

Рисунок 2

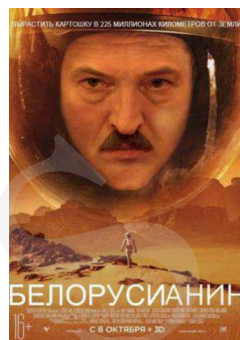

Рисунок 3

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 6

ставляется удобным инструментом для описания способов структурирования медиаконцептов в коллективном когнитивном веб-пространстве. Данный гипертекст позволяет указать также на высокую интертекстуальную и интервизуальную плотность интернет-мемов как их конститутивный признак (Wołoszyp 2016). Восприятие указанных интерсемиотических текстов не состоится без знания советского мультфильма *Трое из Простоквашино* (1978) (рис. 2) и научно-фантастического фильма *Марсианин*, США 2015, в котором выживший астронавт Уотни разводит на Марсе картофельную ферму (рис. 3); узнавания перифразы одной из наиболее цитируемых метафорических сентенций Шекспира „Весь мир – театр, а люди в нем – актеры” из комедии *Как вам это понравится* (рис. 4); распознавания Скруджа Макдака – главного героя диснеевского мультсериала *Утиные истории*, антропоморфного селезня-миллиардера, совершающего любимый ритуал – дословное „купание в деньгах” (рис. 5); реинтерпретации веселого советского короткометражного мультфильма *Антошка* (1969) и его знаменитой песенки, где главный герой отказывается копать картошку, за что и отбывает тюремное заключение, согласно вторичному тексту – мему (рис. 6); а также соотнесения персонажа рис. 1 с очертаниями одной из центральных фигур *Властелина колец* Джона Толкиена – Голлума, несчастной жертвы Кольца Всевластиа, которое он называет своей „прелестью”.

Ввиду их большой популярности и широкой распространенности в сетевом коммуникативном пространстве интернет-мемы становятся единицами обще-

ния, обладающими высоким персуазивным потенциалом (ср.: Porycka 2016, s. 85) и яркой политической окрашенностью. Они могут рассматриваться не только как мгновенная реакция интернет-пользователей на политическую обстановку, но и как способ выражения политического мнения, „некая трибуна, с которой можно свободно высказываться” (Kanašina, 2017, s. 71). В ракурсе использования сатирического инструментария, интертекстуальности, злободневности и лаконичности, политический интернет-мем во многом схож с политической карикатурой, от которой его отличает, прежде всего факт авторства. Если карикатуры создаются, как правило, профессиональными художниками, то мемы могут рассматриваться как проявление анонимного сетевого творчества, отражение коллективного мышления и язык общественной критики (Nowak 2013).

2. Политическая метафора и концептуальная амальгама

Согласно Якубу Новаку, возникая „смеха ради” и поглощая тексты популярной культуры, мем может полностью менять идеологический вектор исходных компонентов (Nowak 2013, s. 232). Его имманентная гетерогенная структура является фактически производной (ремиксом, коллажем) предыдущих сообщений. Создатель мема берет из „культурного хранилища” определенные элементы популярного контента, творчески их перерабатывает, конструируя новый смысл, и распространяет в сети. В результате создается некий метафорический коллаж, своеобразная концептуальная амальгама, представляющая собой синтез двух или более исходных понятийных сфер в конечном тексте, а также наложение смыслов вербальных и визуальных компонентов.

Исследователи отмечают, что для осмысления сложных вопросов социально-политического характера в общественном дискурсе используется метафора как „ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом” (Aničkina, 2013, s. 19), выраженной каузальностью (Anderson, 2006), т.е. способностью моделировать общественные процессы и воздействовать на социальное сознание. Основные положения теории концептуальной метафоры были изложены в труде Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона (1980) (Lakoff, Johnson 2010), благодаря которому произошел когнитивный поворот в лингвистических исследованиях метафоры и фокус исследований метафорических единиц был перемещен с языка на другую сферу бытования образов сознания – мышление (см.: Novickaâ, 2019, s. 77). Инновационность данной теории заключалась в признании метафоры в качестве базового когнитивного механизма („metaphor is not a matter of language but of thought: metaphor is ‘a cross-domain mapping in the conceptual system’”⁶ (Lakoff

⁶ “Метафора – это вопрос не языка, а мышления: метафора – это ‘перекрестное отображение в концептуальной системе’”; перевод – Ж.С.

1993, р. 203)), „фигуры мышления”, при помощи которой операционное знание более конкретных явлений и действий проецируется – на основе сходства и сравнения различных концептуальных сфер – на широкий спектр сложных абстрактных категорий. Было установлено, что метафорические соответствия являются частью концептуальной системы человека, т.е. они укоренены в ней в результате опоры на физический и культурный опыт индивида, а также знакомые ему социальные практики. Таким образом, метафора как уникальный механизм абстрактной категоризации обеспечивает взаимную проекцию (*mapping*) различных ментальных образований в пределах некой концептуальной структуры.

Появление теории концептуальной метафоры послужило толчком к разработке альтернативных концепций, сосредоточенных на анализе процесса восприятия и интерпретации метафорического языка, среди которых особое значение имеет теория концептуальной интеграции (ТКИ, т.е. теория блендинга, или понятийных амальгам) Жюль Фоконье и Марка Тернера (Fauconnier 1985; Fauconnier, Turner 2002). Когнитивный ракурс в этой теории опирается на синтез теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, представляя собой более сложный механизм концептуальной проекции.

В отличие от модели концептуальной метафоры, в которой взаимодействуют два пространства (*сфера-источник* и *сфера-цель*), структура метафоры в ТКИ включает в себя четыре пространства и может состоять из двух или более элементов различных ментальных сфер, которые проецируются в пределах родового пространства (*generic space*), что приводит – на основе интеграции некоторых их аспектов – к формированию нового, смешанного, ментального пространства (*blended space*). Иными словами, в процесс концептуальной интеграции вовлечены два (или более) входных пространства (*source and target input spaces*), родовое пространство (*generic space*), в котором проявляются общие черты входных пространств, и интегрированное пространство (*blended space*), конструирование которого в определенной мере опирается на свойства входных (см.: Novickaâ, 2019, s. 91; Ginter, 2009, s. 43–47; Mierzwińska-Hajnos, 2019, s. 634–636).

Метафора является сильно воздействующим средством политического дискурса в связи с тем, что она не только называет определенные понятия, но, в силу своего системного характера, на основе импликации может отсылать к целым концептуальным комплексам и совокупности ассоциаций. В веб-пространстве, отражающем текущие события политической жизни почти в режиме реального времени, коммуникативное реагирование на них может представлять собой разворачивание сложных метафор и их взаимную мультипликацию в рамках определенной концептуальной амальгамы. Наложение одной области знаний на другую является источником новых видов ощущения и понимания событий в текущем социокультурном контексте. Исследователи отмечают, что „метафору

можно и нужно изучать, только если одновременно изучаются и дискурсы, которые выступают катализаторами появления метафор, задают очертания метафорических высказываний и обуславливают закономерности, формируемые этими высказываниями” (Novickaâ, 2019, s. 94; Eubanks, 2000, p. 4).

3. Бинарная оппозиция *вертикаль–горизонталь* в сетевом политическом нарративе

Концептуально-коммуникативное пространство политического дискурса кристаллизуется посредством реализации в конкретных текстах фундаментальной гиперонимической дихотомии „свой – чужие” (Zemsał, 2018, s. 103–110) и, в частности, ряда ключевых бинарных оппозиций, которые М. Осборн назвал архетипическими метафорами, относящимися к рудиментарным пластам знания (Osborn, 2008): *верх – низ, свет – тьма, богатство – бедность, жизнь – смерть, здоровье – болезнь, грязь – чистота, вертикаль – горизонталь*⁷. Это метафорические пары, глубоко укоренившиеся в большинстве культур и языков мира и характеризующиеся четко оформленными коннотациями и ассоциациями. Они не поражают читателя свежестью и новизной метафорического переноса, в силу чего определяются как *сухие, стертые, привычные, окаменевшие, конвенциональные, мертвые* (Ricoeur, 1980, s. 188; Solodilova, 2013, s. 121), или *катахрезы* (Kikiewicz, 2006, s. 219). Тем не менее, в силу своей образности, укорененности и аксиоматичности, они способны вызывать однозначно прогнозируемые ассоциации и воздействовать на мыслительные процессы получателя сообщения.

Значительная часть концептуальных метафор является общей для концептуальных систем носителей языка в силу общности социокультурного опыта и закрепления наиболее частотных метафор в ежедневной речевой практике. Однако некоторая часть концептуальных метафор является культурно-специфическими образованиями. Так, в рамках нашей работы следует указать

⁷ Исследователями было установлено, что в описании любой картины мира лежат различные бинарные оппозиции, которые носят универсальный характер и являются определяющими категориями человеческого сознания. Французский антрополог Клод Леви-Стросс писал о дихотомичной организации не только моделей мира, но и бинарной структуре каждого мифа (см.: Bakulina, 2008, s. 171; Gurevič, 1972, s. 7; Levi-Stross, 2006; Čablin, 2011, s. 30; Szabelska 2012, s. 104). *Войтех Хлебда указывает, что дихотомии внешнего мира формируют структуру нашего мышления и языка, кристаллизующуюся в процессе социализации, а она, в свою очередь, детерминирует дихотомическое восприятие новых элементов окружающей действительности* (Chlebda, 1985, s. 25). *Отправной точкой в языковом освоении мира является восприятие крайних пунктов определенной «парадигматической оси элементов действительности», переходные звенья между которыми ощущаются слабее, в результате чего в памяти носителей языка складываются устойчивые контрастные ассоциации, формирующие не градуальность, а дуальность категоризации информации.*

на выразительную национальную специфику метафоры *вертикаль власти* в русскоязычном политическом дискурсе.

Одним из наиболее частотных идеологических конструктов, которые тиражируются в медиатекстах и доводятся до автоматизма в сознании членов данного культурно-языкового социума (Śladkevič, 2012), является метафорическая идеология *вертикаль власти*, концептуально противопоставленная горизонтальной (равноправной) организации демократического общества. С помощью данного штампа официальные масс-медиа стремятся „закрепить в общественном сознании представление о действенности принципа вертикали” (Popkova, 2007, с. 85), а оппозиционные – указать на его ущербность:

В отличие от нашего ушибленного политикой брата-публициста, миллионы обычных людей не тяготеют ни к «вертикалям», ни к демократии. Они тяготеют к хорошей еде, чистому санузелу и «мерседесу» на ровной дороге вместо «жигуля» на битой. (...) Просто средний француз давно и твердо уяснил, что качество его жизни и будущее его детей связано с ограничением «вертикали», а у среднего калмыка звонок на этот урок еще не звенел (Šenderovič, 2008).

В целом, следует отметить, что человек вертикально ориентирован в пространстве и физиологически, и духовно, что послужило толчком к базовому гиперонимическому противопоставлению „верха” и „низа” в языке. В этом контексте рассматриваемая идеология *вертикаль власти* вполне логично вписывается в наивную картину мира: внизу – простой народ, далее – представители региональных органов управленческого аппарата госструктуры, вверху – представители правительства, президент и его окружение. Такая организация социума, как правило, метафорически представляется в виде пирамиды, социальной лестницы или древа власти.

Субъект, находящийся на верху вертикально организованного социума, метафорически концептуализируется как представитель сакральной власти – царь, фараон, жрец, король, монарх, от безраздельной власти которого зависят все нижестоящие ступени; наиболее показательной метафорой, отражающей вертикаль, является номинация „царь горы”:

Перед «царем горы» встает множество проблем, в том числе обусловленных так называемой дилеммой диктатора: он никогда не знает наверняка, кто в его окружении действительно лоялен ему, а кто может готовить заговор. (...) В модели «царя горы» у монополиста политической и экономической ренты просто нет мотивов для улучшения качества институтов и политической конкуренции. Стабильность и статус-кво для него — главные приоритеты (Lokšin, 2013).

Помимо монаршей метафоры, при текстуализации модели субъекта верхнего яруса вертикально организованного общества актуализируются

и другие метафорические проекции – лидера нации (вождя, предводителя, ведущего свой народ в „светлое будущее”⁸); наездника (кучера, всадника), под которым находится «погоняемый» субъект, представленный разнообразными персонификациями.

Вертикально выстроенные, асимметричные отношения наблюдаются и концептуализируются не только внутри политической системы одного государства и отношений его лидера с социумом в целом, но и при осмыслении межнациональных отношений. Последний тип рассмотрим на материале актуального цикла респонсивных сетевых текстов в ответ на сентябрьские события 2020 года.

4. Case study: Мемы о встрече Путина и Лукашенко в Сочи как веб-экспликация вассалитета в современной политике

Надо теснее держаться с нашим старшим братом.

А.Г. Лукашенко, 14.09.2020

Среди разнообразных типов мемов в политической коммуникации преобладают персонажные мемы, поскольку „завируситься может только политический мем, контекст которого понятен широкой интернет-аудитории, а самый обширный политический ресурс – это личность” (Dmitrieva, 2018). Следует отметить, что именно медиаобразы „сильных мира сего” обладают особой значимостью в формировании ценностной картины мира аудитории (Belovodskaa, 2016, s. 124). Политические лидеры, в силу своего положения появляющиеся в СМИ чаще других, становятся информационной элитой, которая контролирует подачу и значительно увеличивает вес передаваемой информации: чем более значим сформированный медиаобраз политика, тем большую значимость обретают сказанные им слова (Zubanova, 2008a, 2008b). Более того, сам медиаобраз политика и его имя становятся семиотическим компонентом политического дискурса. Знаковая сущность политика проявляется в двух аспектах: а) политик как представитель группы, как метонимический знак, замещающий группу, репрезентант определенных политических взглядов, концепций, направлений; б) политик как актер, как исполнитель роли, воплощение определенного амплуа: царь, оракул, тиран, деревенский император и т.п. (Šejgal, 2001). В этой связи весьма показательной является серия мемов,

⁸ Дихотомия «темное / великое прошлое – светлое/туманное будущее» является одной из базовых дихотомий политического дискурса, реализующего разного рода концептуальные амальгамы: поезда/корабля/автомобиля, мчащегося в будущее (порой с закрытым лобовым стеклом); двери с надписью «будущее», за которой глухая стена; пропасти между прошлым и будущим, в котором зажато настоящее; темного лабиринта; очередь в светлое будущее и люди, лезущие без очереди (ср.: Hochschild, 2017, s. 222–224).

появившихся как респонсивный цифровой контент в ответ на одну ситуацию-источник – резонансную встречу в Сочи 14 сентября 2020 г. Владимира Путина и Александра Лукашенко.

В результате встречи – на фоне спорных выборов на пост президента Беларуси, результаты которых не признаны большинством стран Европы, а также массовых мирных протестов в Беларуси и их жесткого подавления со стороны властей – Россия предоставила Беларуси кредит на 1,5 миллиарда долларов (что напомнило веб-пользователям о „долге Януковича”, который в критический для него момент получил от Путина 3 миллиарда). Язык тела, голосовые характеристики и позы субъектов политической власти во время их встречи были настолько красноречивы и однозначны в толкованиях, что видеозаписи и снимки с саммита мгновенно были растиражированы в виде мемов и фотожаб. Из галереи фотографий, сделанных во время встречи, интернет-пользователи чаще всего обращались к двум: на первой (ее сделали заставочной на видео, опубликованном на сайте Кремлин.ру) В. Путин свободно сидит в кресле, широко расставив ноги, а А. Лукашенко сидит ближе к краю, отведя колени под углом вбок. В таких позах иллюстраторы изображали преданных слуг или пылких любовников, обращенных к предмету своей страсти. На второй фотографии говорит В. Путин, а А. Лукашенко старательно конспектирует в блокноте сказанное. Эти снимки, а также текущий социально-политический контекст и исход встречи „запустили” креативность интернавтов в определенном ракурсе. Обсуждение в социальных сетях этого медиасобытия сфокусировалось на отношениях зависимости и подчиненного положения А. Лукашенко от его восточного соседа – сюзерена, отца, хозяина, ср.:

– Да, без сомнения, здесь ни что иное, как оммаж XXI века. Оммаж – символическая церемония, присяга, оформлявшая заключение вассального договора. Только в средневековой Европе будущий вассал должен был опуститься на одно колено и вложить соединённые ладони в руки сюзерена. А сейчас нужно всего лишь конспектировать речи Старшего Брата (Kudrin, 2020);

– Средние века так вассалы ездили к сюзеренам – за разрешением, частью формальным, частью содержательным, продолжать управлять своим феодом. Княжеством или там герцогством. Лукашенко избранный и легитимный президент Белоруссии. Но во время сегодняшней встречи было ясно видно, что президент независимого государства в то же время – в рамках Союзного государства? Или по жизни? – путинский вассал (Perla, 2020).

По наблюдению Максима Кронгауза (2012) отправной точкой для запуска мема становится некая несообразность, абсурдность ситуации. Эта несуразица не только создает комический эффект, источником которого является „неожиданность, резко превращающаяся в понимание” (Войнаровский, цит. по: Syrcova, 2014), явное „отклонение от когнитивного и языкового стереотипа” (Panina, 1996, s. 11), но и становится тем аттрактором, который привлекает внимание ау-

дитории и помогает интернет-мему быть привлекательным, завоевывая умы интернетавтов в период его коммуникативной экспансии. В собранном нами корпусе 68 мемов, появившихся в сети в период 14–20 сентября 2020 г. в ответ на упомянутую выше встречу, источником возникновения цепочки трансформирующихся в процессе редупликации мемов является несусазица: вербальная и невербальная реализация данной коммуникативной ситуации не только не соответствовала равному статусу официальных глав двух независимых государств, но и в целом «коленипреклоненная» поза Лукашенко во время встречи с Путиным развенчала миф о крепком хозяине-Батьке и его стабильном режиме.

Нашей целью является выделение и описание основных слотов репрезентируемой интернет-мемами амальгамы „Лукашенко – вассал Путина”, учитывая связи данного метафорического конструкта с другими фрагментами коллективного когнитивного пространства. Сопоставление серии мемов, генерированных одной исходной политической ситуацией, позволяет выделить семантические компоненты, которые в процессе редупликации и трансформации мема остаются неизменными (подробнее: Belovodskaa, 2014; Belovodskaa, 2016, s. 126–127). Именно эти компоненты являются теми смысловыми элементами родового пространства, которые способствуют порождению амальгамного медиаобраза. В рассматриваемом нами случае породившая концептуальную амальгаму сема „подчинения, зависимости, угождения” эксплицируется посредством интеграции сферы политики с концептуальными пространствами других асимметричных (вертикальных) отношений (см. схему 1).

Схема 1. Концептуальная амальгама в мемах „Лукашенко – вассал Путина” (собственная разработка).

Исходными когнитивными сферами для рассматриваемого бленда послужили, прежде всего, те, которые продиктованы ежедневным опытом человека или его культурным „багажом”. К ним можно отнести концептуальное пространство семьи (Лукашенко просит, умоляет отца/мать/старшего брата/Деда Мороза купить ему подарок/дать денег/подарить приставку и т.п.), а также сферы сексуальных, феодальных или финансовых отношений:

Концептуальная сфера: семейные отношения

Рисунок 7

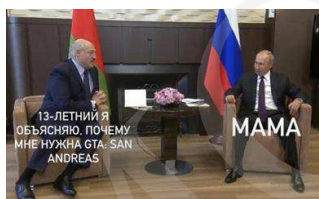

Рисунок 8

Рисунок 9

Концептуальная сфера: феодальные отношения

Рисунок 10

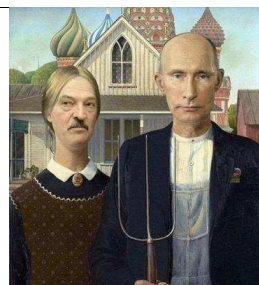

Рисунок 11

Процессы осмысления и концептуализации представленных мемов требуют от адресата умения улавливать интервизуальные связи и распознавать иконический интертекст в рамках редуплицированного изображения. Так, рис. 12 представляет собой переработку одной из наиболее узнаваемых и пародируемых картин в мире – *Американской готики* Гранта Вуда (1930), отразившей старомодные ценности маленького городка в Айове. На рисунке за знаменитым строением в стиле «плотницкой готики» проступают силуэты Кремля. Символично, что в фермерскую чету оригинального произведения воплотились главы государств, причем роль женщины, носящей фартук с колониальным принтом, досталась А. Лукашенко. В. Путин в меме принял облик главы семейства, держащего в руках вилы, которые в христианстве ассоциируются с дьяволом и злой деятельностью. На рис. 16 мы видим трансформацию известной картины Василия Перова *Охотники на привале*, в которой роль знаменитого „враля”, увлеченно рассказывающего небылицы, досталась Лукашенко.

В целом необходимо отметить, что за коллажным и карикатурным характером приведенных примеров, формально представляющих собой классический для сетевого пространства жанр „фотожаб”, скрывается механизм формирования новых смыслов, используемый, среди прочего, для достижения определенных коммуникативных целей, прежде всего, экспликации своего отношения к произошедшему и оказания воздействия на аудиторию. В рассматриваемом корпусе наиболее выразительно актуализированы семантические слоты: 1) „просить, умолять”, 2) „обманывать, приукрашивать, преувеличивать”, 3) „аналогия” (как осмысление сходства ситуации с финансовой поддержкой РФ режима Януковича) и 4) „контраст” (рис. 12–21).

При анализе корпуса данных медиаструктур выразительно проявляет себя их характерное свойство – реализация валентности, т.е. связей с другими популярными интернет-мемами. Так, рис. 15 (и широкая гамма подобных) отсылает к известному мему – расхожему понятию „Картофельный диктатор”, упомянутому нами ранее, ср. заглавия медиатекстов: *Картофельный диктатор. Александр Лукашенко в Мурманске*, 2020, <https://mmk.news/2020/08/kartofelnyj-diktator/>; *Картофельный Рэмбо и белорусский Гном Гномыч. Реакция соцсетей на Лукашенко и Колю с автоматами*, 2020, <https://life.ru/p/1341590>; „*Картофельный papa*” обречен, 2020, <https://7x7-journal.ru/posts/2020/08/11/kartofelnyj-papa-obrechen>; „*Заигрался, картофельный panuk*”, 2020, <https://yandex.ru/turbo/ura.news/s/news/1052443694>; *Агрофюрер и комиссар Жибер*. (<https://memepedia.ru/agrofyurer-i-kartofel-v-mundire-luchshie-memy-pro-lukashenko/>). На рис. 21 встреча политических субъектов сопоставлена с известным мемом о накачанном сиба-ину Догге и маленьком псе той же породы по кличке Чимс. Оба существуют как отдельные мемы, а вместе функционируют как мем-сравнение, в котором обычно Большой Догг символизирует что-то прекрасное из прошлого, а маленький Чимс представляет его ничтожную версию в настоящем (<https://memepedia.ru/kachok-dogge-i-chims/>).

В результате редупликации исходный текст, положенный в основу, может дать различные, порой полярно ориентированные варианты мемов, предоставляющие широкое поле для интерпретации. Так, знаменитое полотно Пабло Пикассо *Девочка на шаре* (1905, рис. 22), ставшее в искусстве сагой о взаимодействии человеческих темпераментов, легло в основу двух мемов карикатурного плана. На первом (рис. 23) авторства Сергея Елкина на квадрате с грозным выражением лица сидит Александр Лукашенко, а на заднем плане на одном рубле, балансирует Владимир Путин, как репетирующая цирковой номер девочка на исходной картине. На рис. 24 перед сидящим в нижнем белье Путиным свой акробатический номер на мешке картошки показывает А. Лукашенко.

В ряде мемов вербальный компонент отражает – в гипертрофированном виде – социолингвистические особенности речи белорусского президента, его идиостиль (рис. 25). А. Лукашенко преимущественно выступает на русском языке с сильно выраженным белорусским акцентом (Kvâtkovski, 2018), проявляющемся

Слот: „просить, умолять”

Рисунок 12

Рисунок 13

Слот: „обманывать, травить байки, забалтывать, приукрашивать, преувеличивать”

Рисунок 14

Рисунок 15

Рисунок 16

Слот: „аналогия”

Рисунок 17

Рисунок 18

Слот: „контраст” (большой и маленький, слабый и сильный, хозяин и слуга)

Рисунок 19

Рисунок 20

Рисунок 21

прежде всего в доминировании фрикативного „г” вместо взрывного, отсутствием ряда мягких согласных (*р*, *ч*, *ш*), в силу чего не раз цитаты Лукашенко вызвали комический эффект. Иллюстративной является фраза, произнесенная в 2014 году с характерным белорусским выговором и твердым произношением звука „р” во всех лексемах: *Я постоянно ператрахиваю весь парламент и знаю, кто врот, а кто не врот*. Высказывание вызвало обширный респонсивный контент и стало крылатым, как и ряд других двужначных реплик рассматриваемого политического субъекта: *Белорусский народ будет жить плохо, но недолго* („Итоги”, 24.09.1996); *Я готов добиваться спокойствия в республике даже ценой собственного разума* (НТВ, 31.12.1997); *К Новому году у всех белорусов на столе будут нормальные человеческие яйца* („Новые Известия”, 5.02.1999); *Только я взялся за яйца, как сразу масло пропало* („Новое время”, 1998, № 52); *Нам не нужна автоматизированная система фальсификации выборов, мы создадим государственную* (Национальное собрание, 10.04.2001); *Мы эту проблему решили в узком кругу ограниченных людей* („Stringer”, 2001, №8) и др. (подробнее: Гордеев 2017; *Бацька атжыгае; Беларусь стояла на краю пропасти...* 2019; Цитатник...).

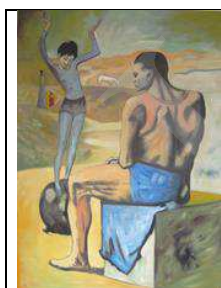

Рисунок 22

Рисунок 23

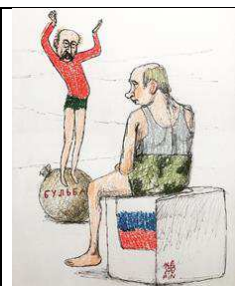

Рисунок 24

Рисунок 25

Стержневым элементом смыслообразования в персонажном меме может стать антропоним (прозвище, кличка, псевдоним). Как известно, у В. Путина во время службы в КГБ был рабочий псевдоним „Моль”, за А. Лукашенко же во время президентской кампании 2020 года закрепилось прозвище „Усатый Таракан”, которое было растиражировано после стрима оппозиционного блогера и бывшего кандидата в президенты Сергея Тихановского (Kokko, 2020). Данные онимы легли в основу образности ряда мемов из рассматриваемого цикла (рис. 26–27).

Подводя итоги отметим, что, кроме функциональной способности политического интернет-мема к мгновенной репликации (мемы появились и были растиражированы уже в день встречи политиков), они представляют собой иронично-критичные коммуникативные образования, целью которых является выражение отношения к отмеченному вертикально-ориентированному, вассально-феодальному характеру взаимоотношений глав государств и принимаемых ими решений. Такая природа меметических сообщений на политические темы, не только отвечает потребностям аудитории, настроенной на „смеховой” ключ осмысления серьезных вопросов, но и отражает санационную функцию мема, очищающую общественную атмосферу (Šomova, 2015, s. 37). Можно заключить, что политические интернет-мемы обладают мощным персуазивным потенциалом и в силу своей злободневности, анонимности, распространенности являются индикатором общественных настроений, фактором формирования общественного мнения и его ментальных установок.

REFERENCES / BIBLIOGRAFIA

- Anderson, Ričard. (2006). Kauzal'naâ sila političeskoj metafory. W: Èduard Budaev, Anatolij Ćudinov (red.). *Sovremennââ političeskaâ lingvistika* (s. 72–91). Ekaterinburg: UrGPU.
[Андерсон, Ричард. (2006). Каузальная сила политической метафоры. В: Эдуард

- Будаев, Анатолий Чудинов (ред.). *Современная политическая лингвистика* (с. 72–91). Екатеринбург: УрГПУ].
- Aničkina, Ŭliā. (2013). Metafora kak sredstvo argumentacii v političeskom diskurse. W: Aleksandr Amatov (red.) *Lingvističeskie i metodičeskie aspekty prepodavaniā inostrannyh āzykov* (s. 19–23). Belgorod: Izdatel'skij dom „Belgorod”. [Аничкина, Юлия. (2013). Метафора как средство аргументации в политическом дискурсе. В: Александр Амагов (ред.) *Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков* (с. 19–23). Белгород: Издательский дом «Белгород»].
- Bakulina, Anastasiā. (2008). Princip dvoičnosti v prirode i kul'ture. *Vestnik Vātskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(1), s. 170–172. [Бакулина, Анастасия. (2008). Принцип двойности в природе и культуре. *Вестник Вятского государственного университета*, 2(1), с. 170–172].
- Belarus' stoāla na kraū propasti, a ā pomog ej sdelat' šag vpered. 65 samyh ēpičeskih citat. [«Беларусь стояла на краю пропасти, а я помог ей сделать шаг вперед». 65 самых эпических цитат Александра Лукашенко]. Режим доступа: <https://gomel.today/2019/08/30/234953.html> (доступ: 30.09.2020).
- Belovodskaā, Anastasiā. (2014). Setevoj fol'klor iego rol' v formirovanii kollektivnogo kognitivnogo prostranstva. *Respectus Philologicus*, 21(26), s. 65–75. [Беловодская, Анастасия. (2014). Сетевой фольклор и его роль в формировании коллективного когнитивного пространства. *Respectus Philologicus*, 21(26), с. 65–75].
- Belovodskaā, Anastasiā. (2016). K voprosu o metodike analiza mediaobraza (na primere analiza korpusa internet-memov, ēksplīciuruūših mediakoncept „Putin”). *Przeglād Rusycystyczny*, 4(156), s. 118–131. [Беловодская, Анастасия. (2016). К вопросу о методике анализа медиаобраза (на примере анализа корпуса интернет-мемов, эксплицирующих медиаконцепт «Путин»). *Przeglād Rusycystyczny*, 4(156), с. 118–131].
- Blachmore, Susan. (2002). *Maszyna memowa*. Poznań: Rebis.
- Čablin, Anton. (2011). Strukturno-funkcional'nye modeli sovremennogo političeskogo mifa. *Rossijskij Akademičeskij Źurnal*, 1(15), s. 29–33. [Чаблин, Антон. (2011). Структурно-функциональные модели современного политического мифа. *Российский Академический Журнал*, 1(15), с. 29–33].
- Chlebda, Wojciech. (1985). *Oksymoron: z problemów językowego poznania rzeczywistości*. Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna.
- Citatnik. Aleksandr Grigor'evič Lukašenko. [Цитатник. Александр Григорьевич Лукашенко]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=e8e-3x16oG4> (доступ: 30.09.2020).
- Dawkins, Richard. (1996). *Samolubny gen*. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Dmitrieva, Mariā. (2018). Internet-mem kak metod političeskoj komunikacii. [Дмитриева, Мария. (2018). Интернет-мем как метод политической коммуникации]. Режим доступа: <https://age-info.com/2018/05/интернет-мем-как-метод-политической-к/> (доступ: 30.09.2020).
- Eubanks, Philip. (2000). *A War of Words in the Discourse of Trade: The Rhetorical Constitution of Metaphor*. Carbondale: Southern Illinois university press.
- Fauconnier, Gilles; Turner, Mark. (2002). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.

- Fauconnier, Gilles. (1985). *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fiske, John. (2010). *Zrozumieć kulturę popularną*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Ginter, Anna. (2009). O teorii amalgamatów na przykładzie metafory kampanii wyborczej: być kierowanym z tylnego siedzenia. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica*, 5, s. 43–53.
- Gordeev, Aleksej. (2017). *Вас'ка отжигает: 10 самых громких высказываний Лукашенко*. [Гордеев, Алексей. (2017). *Бацька атжыгае: 10 самых громких высказываний Лукашенко*]. Режим доступа: <https://4esnok.by/obzory-i-rejtingi/10-fraz/> (доступ: 30.09.2020).
- Grochowski, Piotr. (2015). Memy internetowe jako klucz do zrozumienia cyberkultury. *Kultura Współczesna*, 3(87), s. 213–218.
- Gurevič, Aron. (1972). *Kategorii srednevekovoj kul'tury*. Moskva: Iskusstvo. [Гуревич, Арон. (1972). *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство].
- Hochschild, Arlie Russell. (2017). *Obcy we własnym kraju. Gniew i żal amerykańskiej prawicy*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej.
- Kanašina, Svetlana. (2017). Internet-mem i politika. *Političeskāā lingvistika*, 1(61), s. 69–73. [Канашина, Светлана. (2017). Интернет-мем и политика. *Политическая лингвистика*, 1(61), с. 69–73].
- Kartofel'nyj baron. (2015). [Картофельный барон. (2015)]. Режим доступа: <https://vestikavkaza.ru/pvk/geroy/kartofelyniy-baron> (доступ: 30.09.2020).
- Kiklewicz, Aleksander. (2006). Teoria metafor pojęciowych: zagadnienia dyskusyjne. W: Aleksander Kiklewicz (red.). *Język. Komunikacja. Wiedza* (s. 217–273). Mińsk: Prawo i ekonomika (.
- Kokko, Dmitrij. (2020). «Саша 3%» i «Usatyj tarakan»: Prezident Belorussii obzavels'obidnymi prozvišami. [Кокко, Дмитрий. (2020). «Саша 3%» и «Усатый таракан»: Президент Белоруссии обзавелся обидными прозвищами]. Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/268996/> (доступ: 30.09.2020).
- Krongauz, Maksim. (2012). Memy v internete: opyt dekonstrukcii. *Nauka i žizn'*, 11. [Кронгауз, Максим. (2012). Мемы в интернете: опыт деконструкции. *Наука и жизнь*, 11]. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/21327/> (доступ: 18.09.2020).
- Kudrin, Oleg. (2020). *Vassal i sūzeren: Lukašenko navstreče s Putinym i posle togo*. [Кудрин, Олег. (2020). *Вассал и сюзерен: Лукашенко на встрече с Путиным и после того*]. Режим доступа: <https://www.ukrinform.ru/rubric-world/3099884-vassal-i-suzeren-lukashenko-na-vstrece-s-putinym-i-posle-togo.html> (доступ: 30.09.2020).
- Kvât, Aleksandra. (2013). *Mediamem kak instrument političeskogo PR: kognitivnyj podhod. Reklama i PR*, 1. [Квят, Александра. (2013). *Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход. Реклама и PR*, 1]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1254> (доступ: 30.09.2020).
- Kvâtkovski, Severin. (2018). *Na kakom ŗzyke govorit Lukašenko* [Квятковски, Северин. (2018). *На каком языке говорит Лукашенко?*]. Режим доступа: <https://euroradio.fm/ru/dorogie-rossiyskie-druzya-na-kakom-yazyke-govorit-lukashenko> (доступ: 30.09.2020).

- Lakoff, George. (1993). The contemporary theory of metaphor. In: Andrew Ortony (ed.), *Metaphor and thought* (p. 202–251). Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, George; Johnson, Mark. (2010). *Metafory w naszym życiu*, Warszawa: Aletheia.
- Levi-Stross, Kłod. (2006). *Mifologiki: Syroe i prigotovlennoe*. Moskva: Fluid. [Левин-Стросс, Клод. (2006). *Мифологики: Сырое и приготовленное*. Москва: Флюид].
- Lokšin, Il'ja. (2013). «Car' gory», ili Počemu vpostkommunističeskikh avtokratiáh plohie instituty. [Локшин, Илья. (2013). „Царь горы”, или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты]. Режим доступа: <https://openuni.io/course/8-course-7-1/lesson/5/material/774/> (доступ: 30.09.2020).
- Memetičnost' reči. (2013). [Меметичность речи. (2013)]. Режим доступа: <https://zloypoet.livejournal.com/54246.html> (доступ: 30.09.2020).
- Mierzwińska-Hajnos, Agnieszka. (2019). Amalgamaty pojęciowe w dyskursie politycznym. Kognitywne studium przypadku. *Prace Filologiczne*, 73, s. 629–647.
- Novickaâ, Irina. (2019). Teoriâ konceptual'noj metafory irazvitie al'ternativnyh koncepcij v ramkah kognitivnogo napravleniâ metaforologii (po materialam sovremennoj anglistiki). *Âzyk i kul'tura*, 46, s. 76–101. [Новицкая, Ирина. (2019). Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики). *Язык и культура*, 46, с. 76–101].
- Nowak, Jakub. (2013). Memy internetowe: teksty (cyfrowej) kultury językiem krytyki społecznej. W: Iwona Hofman, Danuta Kępa-Figura (red.). *Współczesne media. Język mediów* (s. 227–238). Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Osborn, Majkl. (2008). Arhetipičnye metafory vritorike: sfera obrazov „svet–t'ma”. *Političeskââ lingvistika*, 26, s. 182–191. [Осборн, Майкл. (2008). Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов „свет–тьма”. *Политическая лингвистика*, 26, с. 182–191].
- Panina, Margarita. (1996). *Komičeskoe i âzykovye sredstva ego vyraženiâ*. Moskva: Moskovskij gos. lingvističeskij universitet. [Панина, Маргарита. (1996). *Комическое и языковые средства его выражения*. Москва: Московский гос. лингвистический университет].
- Perla, Andrej. (2020). „Vozvrašenie bludnogo syna”: Runet o vizite Lukašenko v Soči. [Перла, Андрей. (2020)]. „Возвращение блудного сына”: Рунет о визите Лукашенко в Сочи. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/30838493.html> (доступ: 30.09.2020).
- Plešakov, Vladimir. (2012). *Kibersocializaciâ čeloveka: ot Homo Sapiens'a do Homo Cyberus'a*. Moskva: Prometej. [Плешаков, Владимир. (2012). *Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a*. Москва: Прометей].
- Poleszak, Dariusz (2013). Cyfrowi tubylcy – szansą czy zagrożeniem dla starej cywilizacji? *Pedagogika Katolicka*, 1, s. 60–70.
- Popkova, Natal'ja. (2007). *Dominanty idiosylilâ poëta-ironista: na materiale tekstov Igorâ Irten'eva*. Ekaterinburg: Ural'skij gos. universitet. [Попкова, Наталья. (2007). *Доминанты идиостиля поэта-ирониста: на материале текстов Игоря Иртеньева*. Екатеринбург: Уральский гос. университет].
- Porycka, Daria. (2016). Retoryczny wymiar memów politycznych. *Res Rhetorica*, 4, s. 85–90.

- Ricoeur, Paul. (1980). Meta-foryczne i meta-fizyczne. *Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja*, 6(54), s. 183–198.
- Šejgal, Elena. (2001). *Neverbal'nye znaki političeskogo diskursa*. [Шейгал, Елена. (2001). *Невербальные знаки политического дискурса*]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-01.htm> (доступ: 27.09.2020).
- Šenderovič, Viktor. (2008). *Nasčet loma i nepravil'nogo genofonda*. [Шендерович, Виктор. (2008). *Насчет лома и неправильного генофонда*]. Режим доступа: <http://www.shender.ru/paper/text/?file=239> (доступ: 30.09.2020).
- Śladkewiĉ, Źanna. (2012). Ideologemy i mifologemy vtekstovoj tkani fel'etona. *Polilog. Studia Neofilologiczne*, 2, s. 371–383. [Сладкевич, Жанна. (2012). Идеологемы и мифологемы в текстовой ткани фельетона. *Polilog. Studia Neofilologiczne*, 2, с. 371–383].
- Solodilova, Irina. (2013). Metafora: kognitivnye osnovy ocenocnosti. *Vestnik OGU*, 11(160), s. 118–123. [Солодилова, Ирина. (2013). Метафора: когнитивные основы оценочности. *Вестник ОГУ*, 11(160), с. 118–123].
- Šomova, Svetlana. (2015). Političeskij internet-mem: sušnost', specifika, raznovidnosti. *Biznes. Obščestvo. Vlast'*, 22, s. 28–41. [Шомова, Светлана. (2015). Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности. *Бизнес. Общество. Власть*, 22, с. 28–41].
- Šurina, Ŭliâ. (2012). Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii. *Naučnyj dialog*, 3, s. 160–172. [Щурина, Юлия. (2012). Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации. *Научный диалог*, 3, с. 160–172].
- Syrsova, Ekaterina. (2014). *Pragmatika smešnogo na materiale amerikanskih anekdotov*. [Сырцова, Екатерина. (2014). *Прагматика смешного на материале американских анекдотов*]. Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2014/767/6032> (доступ: 17.09.2020).
- Szabelska, Anna. (2012). Claude Lévi-Strauss i strukturalna analiza mitu a przyczynek do badań kognitywnych. *Via Mentis*, 1, s. 99–108.
- Wołoszyn, Magdalena. (2016). Intertekstualność internetowych memów dotyczących polityki. *Studia Filologiczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego*, 29, s. 205–224.
- Zelânskaâ, Natal'â; Gavenko, Agnessa; Belousov, Konstanstin. (2009). Mediaobraz Iosifa Stalina kak gipertekst. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11(105), s. 73–79. [Зелянская, Наталья; Гавенко, Агнесса; Белоусов, Константин. (2009). Медиаобраз Иосифа Сталина как гипертекст. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 11(105), с. 73–79].
- Zemsał, Piotr. (2018). *Kultura – ideologia – metafora. Metaforyczne dychotomie związane z kategoriami SWOICH i OBCYCH w ideologicznym subdyskursie o kulturze w ZSRR w latach 1953–1957*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Toruńskiego.
- Zubanova, Lûdmila. (2008a). Sovremennoe mediaprostranstvo: podhody k issledovaniû principy interpretacii. *Vestnik Čelâbinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*, 2(14), s. 6–17. [Зубанова, Людмила. (2008a). Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2(14), с. 6–17].

Zubanova, Lûdmila. (2008b). Sredstva massovojinformacii kak arena cennostnogo obmena. *Vestnik Čelâbinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 32, s. 27–30. [Зубанова, Людмила. (2008b). Средства массовой информации как арена ценностного обмена. *Вестник Челябинского государственного университета*, 32, с. 27–30].

Sources of memes [Источники мемов] (доступ: 30.09.2020)

<https://memepedia.ru/vstrecha-putina-i-lukashenko/>

<https://zen.yandex.ru/media/makinglifebetter/putin-i-lukashenko-v-sochi-svejie-memy-5f5f95ce8169a87816004721>

<http://mainfun.ru/news/2020-09-15-79348>

<http://batona.net/128966-fotozhaby-i-memy-pro-vstrechu-lukashenko-i-putina-20-foto.html>

<https://www.unian.net/curiosities/vstrecha-putina-i-lukashenko-reakciya-socsetey-poslednie-novosti-11146634.html>

<https://imgirl.ru/relax/vstrecha-vladimira-putina-i-aleksandra-lukashenko-v-sochi-luchshie-memy/>

<https://www.svoboda.org/a/30838493.html>

<https://utro.ru/news/life/2020/09/14/1457467.shtml>

https://pikabu.ru/story/prelest_1869560

https://pikabu.ru/story/batka_odobryaet_2041672

<https://hodor.lol/post/114748/>

https://pikabu.ru/story/povod_vyipit18_marta_4072717

<https://vestikavkaza.ru/pvk/geroy/kartofelyniy-baron>

<https://admem.ru/1390992091>

SUBMITTED: 10.07.2020

ACCEPTED: 7.02.2021

PUBLISHED ONLINE: 12.12.2021

ABOUT THE AUTHOR / O AUTORZE

Żanna Ślădkiewicz – Polska, Gdańsk, Uniwersytet Gdański, Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich, Zakład Pragmatyki Komunikacji i Dydaktyki Języka Rosyjskiego; dr hab., profesor UG; spec.: językoznawstwo słowiańskie; zainteresowania naukowe: językoznawstwo rosyjskie, frazeologia, komunikologia, pragmatyngwistyka, lingwokulturologia, socjolingwistyka, dyskursologia, glottodydaktyka.

Adres: Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich, Uniwersytet Gdański, 80-312 Gdańsk-Oliwa, ul. Wita Stwosza 51, Polska

Wybrane publikacje:

1. Ślădkiewicz, Żanna; Klimkiewicz, Aleksandra; Samożłowa, Inna. (2019). *Здоровье превыше всего. Коммуникативная ситуация оправдания в дидактическом дискурсе: прагматический и межкультурный аспект*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

2. Grabska, Marcelina; Śladkiewicz, Żanna (red.). (2015). „*Mówimy, jak mówimy...*” *Gdzie ukryta jest potoczność?*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
3. Grabska, Marcelina; Śladkiewicz, Żanna (red.). (2014). „*Mówimy, jak mówimy...*”. *Komunikacja w języku potocznym. Podejście interdyscyplinarne*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
4. Śladkiewicz, Żanna. (2013). *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
5. Grabska, Marcelina; Hau, Anna; Śladkiewicz, Żanna; Wądołowska-Lesner, Katarzyna (red.). (2011). „*Słowa, słowa, słowa...*”... *w komunikacji językowej III*. Gdańsk: Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego.